

IN THE GRIM DARKNESS OF THE FAR FUTURE THERE IS ONLY WAR!

Into the Maelstrom

EDITED BY MARC GASCOIGNE & ANDY JONES

WARHAMMER
40,000
NOVEL

В брюхе зверя

Уильям Кинг

Атмосфера в рулевой часовне «Святого
духа» была напряженной, когда разведчики
свалились сквозь

парчовые занавеси в холодную базальтовую
твердыню командного центра.

Техноагенты пели,

отсчитывая расстояние. Невнятица
машинного языка бритоголовых
наблюдателей жужжала фоном,
постоянным непонятным гулом. Над ними,
на дорожках, силуэты в темных мантиях
перемещались от

управляющей пиктограммы к
управляющей пиктограмме, проверяя
печати чистоты на главных

системах и размахивая кадилами с
дымящимся ладаном. В часовне бушевала
сдержанная паника, подобной которой Свен
Педерсон еще не видел. Молодому
костическому десантнику не нужны были

красные сферы предупреждения с каждой
стороны голоэкрана, чтобы сказать, что

корабль угодил в

переделку.

-А, господа, наконец вы здесь. Я так рад, что вы к нам присоединились.

Размеренный голос Карла Гауптмана, капитана судна, легко прорезался сквозь шум.

-Ты вызвал нас, яrl. Мы твои слуги и повинуются.

Сержант Хакон говорил ровно, но Свен мог сказать, что насмешка вольного торговца задела его. Хакон

был гордым старым воином, отслужившим свое терминатором, и его терзало это служение

нижону-аристократу, при сопровождении стаи разведчиков на первое тренировочное задание. Но он

все еще был Кости́ческим Волком до мозга костей, и должен был повиноваться.

Гауптман развалился в кресле за аналогом, представляя собой непринужденный авторитет,

единственный здесь, кто казался

совершенно спокойным. Он казался также равным по росту Хакону, хотя огромный костический десантник на самом деле возвышался над ним.

Владелец корабля указал на голоэкранным длинным пальцем с превосходным маникюром. Управляющие рунны тизали на аналог, подсвечивая его лицо, и придавая ему замогильный, почти демонический вид.

-Предоставьте мне плоды своей мудрости, брат-сержант Хакон -- что Вы думаете об этом?

Один из наблюдателей закрыл свои глаза-камеры и пропел молитву. Свен ясно видел провода

киберсвязи, соединявшие человека с его рабочим аналогом. Каждое крошечное волокно мерцало

светом. Ритм мерцания затедрялся, пока не сравнялся с ритмом молитвы. Когда наблюдатель вновь

открыл глаза, их зеркальные линзы отразили свет, горя в темноте, как

маленькие красные солнца.

На затухающем экране появился объект сероватый и круглый, он напоминал маленький астероид.

Гауптман снова ткнул в экран пальцем. Хорал техножрецов нарастал, отдаваясь эхом под крестовыми

сводами потолка часовни. Запах галлюциногенного лагана стал приторнее и болезненней. Свен

почувствовал легкую тошноту, когда его организм распознал наркотик, а затем обезвредил его. Воздух

подернулся тारेвол, огоньки мигнули, и объект появился на экране вновь, в лучшем разрешении.

Почему-то вид его наполнил Свена ужасом. Он бросил взгляд на брата-курсанта Ньяла Бергстрёма, своего ближайшего друга среди Костиических Волков. Красный свет сфер предупреждения освещал его

бледное лицо, делая выражение ужаса на нем еще ярче. Тесты выявили у Ньяла пси-

способности и, если он переживет свое обучение, он тренировался бы как библиарий, а Свен -- как Волчий Жрец. Как

бы то ни было, Свен научился уважать интуицию товарища.

-В высшей степени необычно. Это что, шлюзы, на этой штуковине? Это что-то вроде базы?

Хакон явно был озадачен.

Гаунтман огладил бороду и склонил голову набок.

-Астронавт Чандара убеждал меня, что эта штука живая. Пророчество сенсоров подтверждает это.

Человек, упомянутый им, стоял у командного трона, схватившись за подлокотник так, словно только он удерживал его прямо. Пот стекал по его грязному полному лицу и образовывал большие круги на

подмышках его белой мантии. Чандара выглядел больным, как человек на последней стадии

смертельной лихорадки. В его глазах застыло то непонятное выражение отчужденности, которое Свен

видел у шаманов-охотников на китов, когда те впадали в смертельное безумие.

-Утоляю Вас, судовладелец, уничтожьте эту мерзость. Ничего хорошего из сохранения ей жизни еще хоть на секунду не выйдет.

Сухой голос Чандары странно резонировал, словно это было пророчество.

Гаунтман убеждающе проговорил:

-Не волнуйтесь, друг мой. Если это будет необходимо, я тут же ее уничтожу. Но может ведь быть и так, что этот еретический артефакт содержит нечто, что может послужить Империи. Мы должны

исследовать его, чтобы расширить область знания ученых Агентус Терра.

Свен сказал бы, что Чандара был не согласен, однако он не мог оспаривать авторитет судовладельца.

Астронавт пожал плечами, улыбая руки.

Как и большая часть команды, он полностью привык подчиняться приказам.

Сержант Хакон понял, к чему все это ведет.

-Вы хотите, чтобы мои люди исследовали это гнездо ереси.

Гаунтман улыбнулся, словно Хакон был ребенком, схватывающим на лету.

-Да, сержант. Я уверен, что Вы достаточно компетентны, чтобы справиться с этим.

Свен видел, как это утверждение подглавливало Хакона: отказаться значило поставить свои способности

под вопрос. Им манипулировали только секунду, но этой секунды хватило. Хакон ответил медленно и

гордо:

-Конечно.

Свен хотел бы, чтобы сержант задал больше вопросов, и видел, что когда сержант договорил, он и сам

хотел бы так поступить. Теперь было

слишком поздно. Дело уже было сделано.

— Подготовьте abordажную капсулу —
сказал Гаунтман. Ваше отделение начнет
свое исследование
немедленно.

Нагев шлемы и обереги, костические
десантники расселись в холодном, темном
корпусе abordажной

капсулы. Свен осмотрел всех своих
товарищей по очереди, прежде чем они
натянули свои

насекомовидные дыхательные маски,
пытаясь запечатлеть их лица в памяти.
На все неопрятные лица

была нанесена краска. Он внезапно с болью
осознал, что это может быть последний
раз, когда он

увидит своих товарищей в живых.

Сержант Хакон сидел ровно, напрягшись.
Его болт-пистолет покоился у него на
груди. Черты его

тонкогубого лица с натянутой кожей
также были ровными. Холодные голубые
глаза его глядели из-под

шапки серебристых седых волос. В отличие от курсантов, Хакон не брил голову, оставляя лишь прядь

волос. Он был посвященным костическим десантником.

Ньял сел напротив Свена, перед окном из закаленного стекла, показывавшим звезды сквозь картину

восхождения Императора на Трон Вечной Жизни. Ньял сложил руки в молитве, его тонкое аскетичное

лицо расслабилось. Свен догадался, что он вполголоса читал литанию против страха.

— Почему Гаунтман не послал своих людей? — спросил Эгиль, соорудив на своем бульдожьем лице

гримасу насмешки. Он был сатым дефектным из всех кадетов Костических Волков. В его глазах

застыло холодное ледяное безумие, характерное для берсерков с кровью тролля. На тренировке по

рукопашному бою на Фенрисе он сломал

Свену два ребра и холодно улыбнулся, когда толстого

разведчика несли в апотекарион. Свен слышал, как сержант Хакон говорил брату-капитану Торсену, что

будет приглядывать за Эгилем. Было это хорошо или плохо, Свен так и не решил.

-Они наверно испугались путешествия в этой ржавой коробке, которую обозвали абордажной

капсулой. Клянусь духом Лемана Русса, не могу сказать, что виню их. Это уже сказал Гуннар, самый

тяжеловооруженный в отделе, гружелюбно ослабившись при этом. Он улыбнулся, обнажив

углубленные резцы — знак геносемени Костических Волков. Было что-то обнадеживающее в

слозанном носе и изрытом оспинами лице Гуннара, подумал Свен.

Хакон выдал короткий лающий невеселый смешок.

-Когда увидишь столько же боев на службе

Императора, сколько эти гвардейцы,
тогда станешь

костическим десантником. А до тех пор,
не стейся над ними. Просто поблагодари
Императора за

предоставленную возможность показать
собственную храбрость.

-Я надеюсь, на этой хрени полно еретиков
--- стачно сказал Эгиль. Я там очень
быстро покажу свою
храбрость.

Гуннар вознал обойму в свое оружие.

-Не волнуйся, Ньял, ты за тобой
приглядит.

Свен знал, что Гуннар просто гразнится.
Озабоченное выражение на лице Ньяла
показало, что он --- не
знал.

-Я сам могу за собой приглядеть --- резко
сказал он.

Гуннар хлопнул его по наплечнику и
растелеялся.

-Знаю, что можешь, братишка. Знаю, что
можешь.

Последняя проверка — сказал сержант
Хакон. Все десантники затихли и
сосредоточились на молитвах,
активирующих доспехи.

Свен знал, что его доспех хорошо
обслуживался. Он сам выполнил все
ритуалы, сам омыл доспех

ароматными маслами, вытесняя при этом
молитвению против коррозии, сам смазал
шарнирные

сочленения благословенными мазями, сам
проверил трубки респиратора цветным
дымом из

авто-кадила. Он свято верил в старую
поговорку костических десантников: «Если
ты бережешь свой

доспех, он бережет тебя».

Впрочем, он зашел еще дальше. Он знал,
что доспех был ему всего лишь одолжен. Он
чувствовал

что-то вроде уважения к древнему
артефакту. Его носили сотни поколений
Костических Волков до его

рождения, и будут носить еще сотни после

его смерти. Он был частью стаи Волков,
встретившейся в
бесконечное будущее. Когда он касался
доспеха, он касался живой истории Оргена.
Сейчас, когда он по порядку дотрагивался
до управляющих рун, он пытался
представить себе
предыдущих владельцев доспеха. Каждый,
подобно ему, был отобран из светловолосых
моряков
кланов цепочек островов Нордхейма.
Каждый, подобно ему, прошел
многолетнюю тренировку
костищеского десантника. Каждый,
подобно ему, прошел через внедрение
множества био-систем, которое
превратило его в сверхчеловека, сделало
быстрее, сильнее и ловчее рядового
смертного.

Некоторые возвысились, а кто-то погиб в
этом доспехе. Свен часто гадал, к какой
группе он будет
принадлежать, когда пробьет его час.
Теперь же плохое предчувствие, которое

Он испытал, когда

впервые увидел чужацкий артефакт, вернулось.

Он был осведомлен, сколь сильно зависит от успеха его защита. Его керамитовый каркас защищал его

от жары, холода и вражеского огня. Его системы авто-чувств позволяли ему видеть во тьме. Его

перерабатывающие механизмы позволяли ему дышать в абсолютном вакууме и неделями жить на

собственных переработанных выделениях. Когда эти мысли закрались в его разум, его молитвы

перестали быть простым перечислением хорошо заученных литаний, а стали искренними и

чистосердечными. Он не хотел утирать, а успех мог спасти его.

Свен поставил наушник общей сети на место и проверил расположение микрофона у гортани. Он

склонил голову и потолкся, чтобы

техноагенты корабля уделили оборудованию столько же заботы, сколько уделяли его собственные братья. Внутри чужацкого артефакта это может стать единственным

средством связи с его товарищами-разведчиками.

Он сложил руки в молитве, чувствуя, что фибросвязки экзоскелета придали ему силу дюжины людей.

Он закрыл глаза и позволил феромонным следам его товарищей быть засеченными рецепторами

успеха. Он знал, что если чужацкий артефакт будет герметичен, он сможет найти товарищей даже в

темноте, только лишь по запаху. Силой воли он переключил слух с обычных звуков на канал общей

связи. Выпеваемые его товарищами ритмичные активации заполнили его уши, перемежаемые

переговорами команды корабля.

-Надеть шлемы -- сказал сержант. Один за

другим десантники натянули защитные
шлемы. Один за

другим они подняли пальцы вверх. Когда
пришел его черед, Свен поступил так же.
Он услышал щелчок

запора шлема, когда тот встал на место.
Инфо-иконки появились у него в поле зрения
под надписями

на готике на экране шлема. Все
показатели были в норме. Он погал знак.
Сержант последним надел
шлем.

-Все готовы. Служим Императору ---
сказал Хакон за них за всех.

-Да благословит вас Святой ---
откликнулся оператор на корабле.

Раздалось шипение и легкий туман
наполнил капсулу, когда из нее откачали
воздух. Наружная температура резко
упала, морозно-голубая

иконка загорелась соответствующим
предупреждением. Она щелкала три удара
сердца, чтобы

показать разницу в давлении. Потом был

еще щелчок от ворота доспеха. Свен знал, что его шлем был

теперь пристегнут намертво, и не мог быть снят до тех пор, пока доспех не просканирует атмосферу и

не признает ее пригодной для дыхания.

Почувствовался слабый толчок при ускорении. На секунду Свен почувствовал себя невесомым, когда

абордажная капсула покинула искусственное гравитационное поле «Святого духа», затем часть его

веса вернулась, когда капсула разогналась.

В иллюминаторе корабль сначала выглядел огромной

металлической стеной. Пока он удалялся, стали видны турели, усеивавшие корпус судна, а затем

показался и целый корабль, от крылатой кормы до драконоклювого носа. Огромные размеры корабля

были очевидны из-за сотен больших арочных окон, каждое из которых, как точно знал Свен, было

глиннее рыбацкой шхуны и выше ее
мачты. Древнее судно вольного торговца
уменьшалось до тех

пор, пока не затерялось среди звезд, став
еще одним огоньком среди множества. На
мерцающих

впереди зеленых экранах чужацкая штука
злобеще увеличивалась в размере.

-Теперь возврата нет --- услышал он
бормотание Ньяла.

-Отлично --- сказал Эгиль.

С жестоким креном ревущая капсула
врезалась в стену чужацкого артефакта.
Свен открыл глаза и

прекратил молиться. Он нажал на
освобождающий амулет на ремнях
безопасности и оказался в

свободном полете на секунду, пока в
капсуле восстанавливалась искусственная
сила тяжести.

Отделение заняло свои позиции, целясь в
передние двери из всех стволов. Под
ногами Свена дрожал

пол, пока нос капсулы ввинчивался в корпус

второго судна. Секунду спустя движение затихло.

— Отделение, приготовиться к расходу! — голос Закона ясно слышался по каналу общей связи.

— Труд Божий! — ответило отделение.

Двери люка распахнулись и разведчики накрыли зону, как тысячи раз делали на тренировках. Свен еле

устоял, когда воздух рванулся в капсулу, становясь туманом при встрече в холодном в корабле.

— Призрак Рюсса! — выдохнул кто-то. Не верю.

Фонари их шлемов осветили странный вид. Они уставились на огромный коридор цвета свежего мяса, высокий как потолок на «Святом духе». Стены были не гладкими и правильными, а грубыми и

усеянными складками наподобие тех, что Свену показывали медики на поверхности мозга во время

его обучения. На стенах терцала розовая пыль.

Из каждой складки на стене высывались
тысячи ресничек в метр длиной, тонких
как титанитовые

нити. Они качались как папоротники на
ветру. Здесь и там дрожали большие
мускулоподобные кисты.

Устья в стенах открывались и
закрывались в такт их дрожанию, издавая
звук, схожие с последними

затрудненными вздохами. Свен догадался,
что они прогоняли воздух. Жидкость
журчала в прозрачных

трубках, что тянулись вдоль стен, словно
огромные вены.

-Похоже что это местечко населено ---
сказал Гуннар. Его голос звучал слишком
громко в канале общей
связи.

Споры сверкали в воздухе, ловя свет и
мигая, словно звезды в бездне космоса.
Когда они поймали свет

фонарей, они, казалось, загорелись
фосфоресценцией, словно светлячки, и
сияние стало

ослепительным. Свен моргнул, и его
вторые, полупрозрачные, веки опустились
на место,

отфильтровывая свет до приемлемого
уровня. Фонари на его доспехах
автоматически погасли, когда
усилился внешний свет.

Пока Гуннар прикрывал их, Эгиль и Ньял
вышли вперед, следуя стандартному
заученному образцу.

Когда они вышли из капсулы, их ноги
упали в пористом полу чужацкого судна.
Они шли словно по

толстому ковру, беспокоя качающиеся
реснички. Свен хотел бы знать, были ли
они чем-то вроде

предупредительной системы или же
отравлены.

Иконка атмосферы на его экране три раза
мигнула зеленым, а затем погасла.

Раздался щелчок

открывающегося замка на воротах. Свен
приспособился к чужацкому судну, сгибая
колени для

компенсации разницы в силе тяжести. Корабль словно создавал собственное искусственное

гравитационное поле центробежной силой. При всем при этом, Свен чувствовал себя наполовину легче.

Сержант Хакон уже снял свой шлем и стоял, делая несколько глубоких вдохов. Он поторщился, когда

его био-модифицированный организм приспособился к местным условиям. Свен знал, что скоро

акклиматизируется к местным условиям и будет иммунен ко всем токсинам в атмосфере. После долгой

напряженной минуты, Хакон жестким приказом снял шлемы.

Первым, что удивило Свена, была жара. Воздух был горяч, как кровь. Он начал потеть, когда его тело

стало приспосабливаться к температуре и влажности. Он кашлянул, когда мембраны в его глотке

отфильтровали споры в воздухе. Мерцающие цвета окружения заполнили его взгляд, все внутри корабля было сборищем красок, сияющих фосфоренцирующим огнем в теплом, тенистом интерьере судна.

Ему это напомнило коралловые рифы на экваторе Нордхейма, где у Костиных Волков были летние дворцы, далеко от льдистых гор и ледников Фенриса. Он часто ходил плавать у рифов после боевых упражнений на теплых тропических островах. Стены напомнили ему некоторые твердые коралловые образования. Он заинтересовался, не был ли этот корабль создан такими же существами, колониями мелких организмов, объединенными для создания одной огромной конструкции. Все выглядело безмятежным; все казалось безопасным и расслабляющим.

Внезапно что-то пронеслось мимо него и
ужалило в лицо. Он вздрогнул,
автоматически вскинул

пистолет и выстрелил. Болтер дрогнул у
него в руке, когда выпустил снаряд. За
короткую секунду

между нажатием на спусковой крючок и
видом взрывающейся твари, он успел
увидеть нечто, похожее

на метровую медузку, парящую в
восходящих потоках воздуха. Его лицо
онемело, пока организм

пытался справиться с ядом.

-Осторожнее --- сказал сержант Хакон.
Мы не знаем, что тут найдем.

Он подошел к Свену и провел медицинским
атомлетом над раной. Маленькая горгулья,
увенчивавшая

оберег, не тигнула. Не пробила тревогу.

-Ты, похоже, справился --- спокойно сказал
Хакон. При звуке выстрела все
Космические Волки заняли

позиции, накрывая все возможные зоны
обстрела. Ничего необычного им не

угрожало. Больше

никаких парящих медуз.

Потолок начал сиять, глинные вены
светящихся живым светом трубок
замигали, словно отвечая на
присутствие разведчиков. Они освещали
коридор, загибавшийся вниз и выходящий из
поля зрения.

Свену это напомнило внутренности
раковины улитки.

Свен почувствовал легкую тошноту, когда
его искусственные кровяные антитела
начали разбираться с

любой хренью, которую занесло чужацкое
создание. Его шокировало сравнение.
Возможно,

медузохрень была таким же антителом,
реагирующим на появление разведчиков.

Он попытался засунуть эту мысль куда-
то дальше, но она все возвращалась и
возвращалась: что если у

чужацкого корабля есть и другие методы
противодействия вторгшимся?

Они осторожно пробирались сквозь

вибрирующую тьмоту. Их кошачьи глаза
привыкли к сумраку. Они
держали оружие наизготовку, готовые
принести смерть. На каждом повороте и
каждом перекрестке
они оставляли станции передачи. Те
держали их на связи со «Святым духом» и
служили ориентирами.

-Призрак Рюсса! -- выругался Свен,
поскользнувшись и упав на покрытый
слизью пол. Пористая

поверхность смягчила удар при падении.
Ньял подошел, чтобы убедиться, что он в
порядке. Свен

видел беспокойство на его лице. Он тахнул
другу, почти ступенный падением.

-Мы в брюхе левиафана -- сказал Ньял,
изучая стены цвета ушибленной плоти.
Свен сторщился, от

вони как от гниющего мяса ему хотелось
блевать. Он остотрелся.

В тусклом свете, остальные костические
десантники были лишь призрачными
силуэтами. Гуннар шел

впереди, остальные выстроились глиной
цепочкой за ним. Сержант прикрывал тыл.

Дышащие кисты

сгулись, и поток дымки и спор выплеснулся
наружу, отражая свет от фонарей
разведчиков, превращая
его в радугу.

— Я никогда эту байку особо не любил, брат
— тихо сказал Свен, счищая слезь с
успеха. Его отец любил

рассказывать ему старую сказку: про
рыбака Тора, который был проглочен
огромным морским

чудищем — левиафаном — и прожил у него
в большущем брюхе пятьдесят дней, пока
его не спасли

самые что ни на есть настоящие
терминаторы Костических Волков и не
предложили ему место в

Оргене. Отец использовал ее, чтобы
запугать Свена и братьев и предостеречь
их от плаваний по морю

на самодельных плотках. Но крайней мере,
он так делал, пока не сел на драккар и не

вернулся больше

никогда. Ребенком Свен всегда подозревал, что его сожрал левиафан.

Когда он наконец стал курсантом, он постылся над такими детскими страшилками. Он порылся в

архивах Оргена и выяснил, что байка про Тора и левиафана была действительно древней, восходящей

к временам до Империи, к невообразимо далеким временам изначальной Земли. Она в том или

ином виде существовала на многих мирах Империи, далекий след времен до колонизации

Галактики человеком. Он никогда не думал, что вновь столкнется с ней.

Теперь, в кишках чужацкого корабля, он почувствовал, что древняя байка разбудила ужас в его душе.

Он слышал скрипучий голос отца, говорящего в доме, пока снаружи завывают зимние штормы. Он

вспомнил испуг, наполнявший его, когда

старик подробно рассказывал о
мошнотворных вещах,
найденных в брюхе морского чудовища.
Он вспомнил и вид моря в беспокойные
ночи, когда влекомые штормами волны
разбивались о черные
скалы и мысли о громадных чудовищах,
больших чем его родной остров, рыщущих
на дне моря. То
была память о его худшем тальчишеском
страхе и теперь она вернулась к нему. Он
теперь
почувствовал то же самое: повсюду вокруг
словно бы находилось громадное ждущее
чудовище.
Повсюду в окружающей тьме он
чувствовал чье-то присутствие. Ему
чудилось над головой хлопанье
крыльев. Когда он остотрелся, он
вздрогнул от вида темных тварей,
похожих на косяки морских
гьяволов, парящих под потолком. Пока он
наблюдал, они исчезли в отверстиях в
стенах из плоти.

Жидкости текли в трубко-венах вокруг
него. Он был внутри какого-то огромного
живого существа, и
теперь был уверен в этом. И он был
убежден, что оно уже знает об их
присутствии благодаря какому-то
непонятному инстинктивному чувству,
ощущает их и осведомлено об их
вторжении. Было ощущение
наличие злобного гурного разума в
чужаком сердце. Это было присутствие
чего-то, враждебного к
человечеству и любой другой форме
жизни.

Свен почувствовал чуть ли не
клаустрофобию. Стук сердца гремел в
ушах. Дыхание казалось громче, чем
дыхание корабля. Он беспокойно положил
руку на рукоятку мономолекулярного ножа
и начал
повторять по памяти успокаивающие
слова имперской литании. В этом месте,
в это время, слова
звучали пусто и глухо. Он встретился

взглядом с Ньялом и увидел в его глазах
тот же невыразимый

страх. Ни один из них не ожидал такого
первого задания.

— Вызвигается, братья — голос Хакона
доносился будто бы издалека. Свен
заставил себя идти дальше
во тьму.

С той секунды когда он ступил на
чужацкий корабль, Ньял знал, что обречен
на смерть. Лучше любого

своего товарища он чувствовал
странность сугна и то, что оно было
живым. Он знал, что пока оно

дретало, но талейшее действие могло
пробудить его. Это был лишь вопрос
времени. Он ощущал это
шестым чувством.

С детства это чувство непреодолимого
страха подтверждало свою обоснованность.

Ньял никогда не

ошибался. Он наблюдал за кораблем отца
Свена, «Волномером», когда тот выходил в
море тем

роковым утром, и знал, что корабль не вернется. Он хотел предупредить их, но знал, что это

бесполезно. Каждый человек на борту был помечен смертью и нельзя было избежать этого. Так и произошло.

Он наблюдал за командой охотников, ведомой Кетилот Силачом, исчезнувшей в горах фьорда Орта.

От них несло смертью. Он хотел отговорить их идти. Он знал, хоть и не мог объяснить, что они не

вернутся. Через два дня, он узнал, что Кетил и все его братья были сметены лавиной.

Ночью когда умерла его мать, Ньял чувствовал присутствие смерти, пикирующей словно огромный

полночно-черный сокол, чтобы унести старуху прочь. Шаман китобойцев сказал отцу, что лихорадка

отступила. Ньял знал обратное, и холодным, дымчатым утром убедился в

своей правоте. Он не плакал, когда звали гробовщиков. Он сказал последнее «Прощай» давленным-давлено во тьме.

Он беспокоился своей неспособностью говорить, словно что-то затыкало ему рот. Он не мог говорить

о своих предчувствиях даже с наставниками в крепости Костиических Волков. Позже он беспокоился, что это гордыня. Его дар отличал его от других, и если бы он предупреждал их, это бы стерлось.

Возможно, будущее предопределено и человек неспособен изменить его, или же он хотел быть

правым, нуждался в тайне, гордом знании своей уникальности. Он слабо улыбнулся себе. Бесчисленны

и хитры были ловушки демонов.

Он чувствовал, библиари Костиических Волков в Крепости Наг Ледниками подтвердили это. Они

сказали, что, со временем, его талант возрастет, и они научат его управлять

м. Все, что ему надо было

делать — оберегать себя от нечистых мыслей. Но его время истекало и он это знал. Он не хотел

умирать так рано и все его тренировки изменить этого не могли. Он был напуган больше, чем

когда-либо в жизни.

Ужаснувшись своему богохульству, он проклял старых библиариев. Что старые дураки, правящие

Фенрисом словно боги из своей опоясанной облаками крепости, знать о его чувствах?

Одиноким, чувствительным юнец, один среди людей, готовых сжечь его как порожденного демонами ублюдка. Со

времен древних войн, морские люди недоверчиво относились ко всему, что имело привкус

сверхъестественного. Злоба и негодование бушевали в нем.

Он чувствовал себя еще более одиноким среди курсантов, все из них, кроме Свена, подшучивали над

ним. Они напомнили ему о старших парнях в родной деревне Ормоскал, которые ждали над ним, пока он не выраст и не даст им хорошую тренировку. Шагая в темноте, Ньял почувствовал, что

его извечная злоба на других, низших смертных, бездарных, вернулась.

Накал чувства удивил его. Почему ему так горько среди товарищей, с которыми он прошел

тренировки? Почему он ненавидит наставников Оргена, которые ничего кроме добра ему не сделали?

Потому что они предопределили его выбор, направили его по темному пути, приведшему в это

ужасное место смерти?

Ньял попытался успокоиться. Все равно все пути ведут к смерти, сказал он себе. Важно то, как ты шел

по своему пути. Почему-то, в эту секунду, благородное изречение Оргена показалось ему дешёвым и

мишурным.

Наконец, он решил, что эти мысли могут быть не его, могут быть вложены в его голову извне. Затем, неестественно быстро, он отбросил эту идею, решив, что это просто его извечные чувства вернулись

перед лицом смерти. Его сковали странность окружения и его предсказания.

Повсюду вокруг него, твари, спавшие во тьме, пробуждались.

Свен остотрел глинный коридор. Рисунок на стенах словно бы изменился с тех пор как разведчики

углубились в чужацкое сүдно. Стены стали еще более скользкими, гладкими и казались еще более

живыми. Все вокруг словно темнело и оживало. Здесь и там трубо-вены исчезали в плоти стен, оставляя только лишь гладкие выпуклости.

-Кажется, тут все оживает, пока мы заходим все дальше -- сказал он по каналу общей связи. Стены

словно напоены кровью.

-Я считаю, тварь движется --- сказал Ньял.

Свен холодно посмотрел на него. Последним, о чем бы он хотел помнить, было то, что они находились в каком-то огромном живом существе.

-Надеюсь, Гаунтман ловит хорошую картинку --- с удовольствием сказал Гуннар. Если уж меня сожрут заживо, так хотелось бы, чтоб по веской причине.

-Хватит --- сказал Хакон раздраженным голосом. Он со всей очевидностью заметил страх в нервных

переговорах разведчиков и решил пресечь его на корню. Курсанты на какое-то время затихли.

Коридор закончился тяжелой дверью-сфинктером.

-Стахивает на шлюз --- сказал Свен, изучая ее. Волнистая дверь сочилась жидкостью, разведчик

заметил также складки плоти,

окружавшие ее.

-Я ее открою --- сообщил Эгиль и выстрелил в нее из болт-пистолета. Болты ворвались в дряблую массу плоти. Дверь-клапан грохотала, как от боли, целый этаж затрясся, когда тыщты под полом тоже

грохотали. Разведчиков кинуло на пол, они не могли устоять на ногах. Свен ударился головой обо что-то твердое, и у него в глазах на секунду засияли звезды.

-Все в порядке? --- спросил Хакон, когда пол успокоился. Все кивнули или буркнули.

Хакон уставился на Эгиля.

-Никогда больше так не делай. Даже не думай о чем-то подобном, пока я тебе не прикажу особо!

Холодная злоба звучала в голосе сержанта.

Эгиль посмотрел в сторону и пожал плечами.

Свен остотрел дверь. Огромные куски плоти были вырваны из нее, но она все

равно презграждала путь.

Следующий выстрел разнесет искалеченные мышцы к чертям. Он не знал, стоит ли идти на риск

получить еще одно мини-землетрясение. Он остановился, чтобы подумать. Чем дальше они шли, тем

больше чужацкий корабль напотинал две вещи: огромное живое тело и работу какой-то чужацкой

технологии. В нем определенно был какой-то план. План, возможно, и был непонятен человеческому

разуму, но все же существовал. Эти сфинктеры-клапаны определеннейше были шлюзами, но они

располагались слишком глубоко в корабле, чтобы открываться в вакуум.

Возможно, они были мерой безопасности, как перегородки на «Святом духе», сделанные, чтобы

отгородить зону декомпрессии от остальных. Или же это были меры безопасности для того, чтобы не

пустить кого-то в определенные зоны.

В любом случае, их можно как-то
открыть. Внезапно Свена осенило, что он
смотрел с человеческой

точки зрения. Это вовсе не должно быть
именно так. Возможно, гверы чувствовали
присутствие

разрешенных созданий и открывались сами
или они открывались на запах, который
разведчики не

могли воспроизвести. Если любая из этих
теорий верна, тогда способ Эгиля был
единственно верным.

Свен заметил небольшое утолщение
рядом с гверью. Действуя по наитию, он
подожел и нажал на

него. Покореженная гверь открылась с
мягким, почти животным вздохом. Свен
посмотрел на пальцы

перчатки. Они были покрыты розовой
слизью. Воняло тусклым. Он вытер
пальцы о нагрудную

пластину доспеха, избегая двуглавого
имперского орла на нагруднике.

Сержант Хакон одобрительно кивнул и жестом приказал выдвигаться. Свен вошел в живой сүтрак.

Эгиль жадно встатривался в тени. Жажда крови горела у него в сердце. Он чувствовал то же теплое удовлетворение, что и в ночь перед своей первой серьезной битвой. Его переполняло предвкушение.

Он чувствовал здесь опасность, угрозу неизвестного. Он вкушал ее, уверенный в своей способности

справиться с чем угодно, вставшим у него на пути.

Он презрительно посмотрел на Свена и Ньяла и растеялся про себя. Пусть малодушные трусы боятся, подумал он. Они не годятся в настоящие костические десантники и в этом испытании покажут себя

негодными. Прирожденный Костический Волк не знает страха. Он живет лишь для того, чтобы рубить

врагов Императора и для смерти воина,

чтобы сесть по правую руку от бога в зале
Вечных Героев.

Увидев обеспокоенное выражение на лице
Свена, он словно растаял. Щенок
боится, близость

смерти ужасает его! Эгиль знал глубоко в
душе, что смерть была верным и
постоянным другом воина; он знал это с
той секунды, как в первый раз разорвал
зубами горло воина из Ормоскала в первом
ночном налете. Смерть — не то, что
может вызвать страх. Скорее, это
истинная мера человека: сколько

смерти он может вынести и как он ее
встретит.

Он и не ожидал ничего лучше от Ньяла и
Свена. Он всегда удивлялся, что
Костиальные Волки набирают

рекрутов из островитян. Это были
слабаки, еле заслуживающие называться
воинами. Они ползали по

своим островам и плавали лишь по
побережьям, по краям своих телких
владений. Его люди были куда

лучшим родом для Богов Ледника.

Наездники бурь вели свои корабли на все четыре стороны света, устраивая налеты где хотели, и следуя

за пересекающими океан стадами левиафанов. Да, они были куда достойнее. Нужен настоящий

мужчина, чтобы взглянуть в глаза левиафану и бросить гарпун точно. Нужен настоящий мужчина, чтобы

плыть в открытом море в компании только лишь с ламонтовыми акулами, левиафанами и, сатymi

могучими из всех, кракенами. Он почти жалел островитян. Как могли они понимать великие правды его людей?

Он посмотрел на большой проход с аркой из костяных белых ребер, видимых сквозь тускло натянутый

потолок цвета гниющего мяса. Он посмотрел на раковые опухоли, пятнавшие пол и стены, на странные

коконы из просвечивающих пленок,

вздытавшиеся и опадавшие, как детские
воздушные шарик. Он

посмотрел на вытянутые лужи
желчеподобной жидкости, покрывавшие
пол. Он отер пот с лица и

глубоко вдохнул резкий кислый воздух.

Эгиль знал, что настоящему воину
безразлично то, умрет ли он среди
чужацких наместов или в море, когда
штормовой ветер будет трепать его
волосы, а соленые волны хлестать по лицу.
Как и остальные, он чувствовал
присутствие затаившегося врага, но, в
отличие от них, сказал он себе, он жаждал
встречи

с ним. Чтобы почувствовать холодную
концентрированную ярость битвы и
сладостное

удовлетворение его жажды убийства.

Он знал, что он убийца, знал с того самого
момента, когда вытопрошил первого
детеныша левиафана.

Эгиль наслаждался звуком, издаваемым
гарпуном, когда он вонзается в плоть.

Вонь теплой крови была
ароматом для его ноздрей. Да, он был
убийцей, и он гордился этим. Его не
волновало, была ли жертва
тупым животным, другим человеком или
же каким-нибудь чужацким чудовищем. Он
радовался
возможности драться. Он знал, что
встретит что угодно как истинный воин
и, если понадобится, как
истинный мужчина.
Он оценил свой нож, порадовавшись
отличному балансу, и прикоснулся к руне,
активировавшей
моноволоконный элемент. Эгиль знал, что
она может разрезать связи между
атомами, если ему
понадобится. В душе он надеялся, что
получит шанс использовать его. Он
считал, что истинная цена
человека познается в ближнем бою, лицом
к лицу, когда движения быстры и
стертоносны. Любой
дурак убьет на расстоянии, из болт-

пистолета. Эгиль любил смотреть в
глаза врага, убивая его. Он
любил наблюдать, как их покидает свет.
Эгиль уставился в темную тьму, заклиная
врагов появиться. Он почувствовал, как
что-то отозвалось
вдали.

Свен увидел, как странная насмешливая
улыбка появилась на молодом лице
Эгиля, и согрознулся. Он
хотел бы знать, что происходит. Все его
товарищи вели себя как-то странно. Он
хотел бы знать, была ли

это просто странность места, смешанная
с ощущением опасности, обнажающая
скрытые стороны их
личности, или же здесь была замешана
странная сила.

Он бы понял, если бы это была жуткая
природа места. Чем глубже они заходили,
тем более зловещим

оно становилось. Воздух казался плотным
от резкой вони. Высокие колонны
блестящей плоти

поднимались от пола к потолку. С потолка капала слизь, образуя в углублениях пола светящиеся лужи.

Медленное кап-кап-кап шло в такт с его сердечным ритмом. Звук стешивался с журчанием вен-труб и тяжелыми вздохами клапанов.

Изредка Свен видел краем глаза мелких юрких тварей, бегающих со скоростью пауков между тенями.

Чем дальше продвигались десантники, тем яснее становилось, что они пробудили нечто. Казалось, что

все это место пробуждается от долгого сна.

Хакон жестом приказал им остановиться. Все застыли. Сержант шагнул вперед, осторожно заходя во тьму. Свен поднял болт-пистолет, чтобы прикрыть его, сфокусировав прицел. Когда сержант появился в

прицеле, Свену стало ясно, как легко его убить. С его жизнью было так просто покончить. Все, что надо

сделать -- нажать на крючок...

Свен потряс головой, удивляясь, откуда взялась эта мысль. Влияло ли на него что-то извне, или же это

была долго не заметная трещина в нем самом, вылезшая на свет? Он отбросил эту мысль и

сосредоточился на своей обязанности --- обеспечивать прикрытие Хакону.

Сержант стоял над чем-то и смотрел вниз. Он пнул предмет. Череп выкатился на свет. Свен узнал

нависающие надбровные дуги и выступающие клыки, вспомнив уроки анатомии..

-Орк --- сказал он.

Эгиль издал короткий лающий смехок, прозвучавший сухо и пусто в этом чужацком месте.

-Эта штука не принадлежит оркам --- устехнулся Костицкий Волк.

-Нет... но возможно они пришли сюда до нас --- глухо сказал Хакон, оценив возможность встречи с

новой угрозой из этого неизведанного места.

-Помер гавным-гавно --- заметил Ньял. Может, больше их здесь не осталось?

Свен наклонился, чтобы исследовать череп, и заметил, что шея была сломана.

-Тогда вопрос в том, что его убило?

Разведчики обменялись тревожными взглядами.

-Может, нам стоит вернуться на корабль? --- предложил Ньял. Мы достаточно навигались.

-Нет --- твердо сказал Хакон. Мы должны полностью осмотреть все.

-Мы зашли слишком далеко, чтобы отступить --- злобно добавил Эгиль.

-Конечно же, ты не напуган, братишка --- сказал Гуннар. В его голосе сквозил страх.

-Довольно --- сказал Хакон. Он повел их вниз. Сержант шагал решительно, и Свен понял, что сержант

намерен дойти до конца, каким бы он ни был.

Шутка застыла на губах Гуннара, когда

он посмотрел вниз, на глинный коридор. Когда он был юнцом, он видел тело левиафана, вынесенное на пляж. Рабы его отца окружили огромное тлекопитающее, вскрыв существо и срезая огромные куски, ворвани с его грудной клетки. Вонь от больших котлов, в

которых они плавили масло смешивалась с терзейшим зловонием от внутренностей твари. Оно

поднималось от пляжа, и достигало его ноздрей даже на вершине утеса, на котором он стоял.

Он уставился на кишки твари и увидел на них обнаженные и выставленные напоказ мясистые наросты.

Раб забрался внутрь и прорубался сквозь огромные канаты кишок. Его руки, лицо и борода были

покрыты кровью и требухой.

Глядя вниз с похожего на челюсть выступа из плоти, он неожиданно ярко вспомнил ту секунду. Он

почувствовал себя одновременно сатим

собой в молодости и рыбаком,
прорубающимся сквозь

отверзительную плоть. Весь ужас их
положения укрепился в его разуме. Они
находились в брюхе зверя.

Они были проглочены, аки древний торяк
Тор, и не будет никаких терминаторов,
которые спасли бы
их.

Он стер слезу, покрывавшую его доспех, и
подавил желание сблегнуть. Не в первый
раз ему захотелось

вернуться домой, в чертоги отца, в
безопасность его защиты и власти над
деревенскими.

Он знал, что это было невозможно.
Возврата не было. Отец изгнал его за
убийство молодого

Стрибьорна Гримсона в том бою. Было
безразлично, что смерть была случайной.
Он не собирался

сбрасывать парня с утеса, только хотел
принудить его. Было безразлично, что
отец всего лишь выслал

его на запад, чтобы избежать мести от
рук рода Стрибьорна, который отказался
от платы за его смерть.

Гуннар все еще мучился из-за этого, даже
скрывая свои муки так же, как и тревоги,
за улыбками и
язвительными шутками.

Он выдохнул сквозь зубы, по крайней мере,
грезы унесли его от положения, в котором
они оказались, от ловушки внутри
чужацкого чужовища. Он увидел, что Ньял
смотрит на него, и потерял пыл.

Слишком легко было ему, сыну ярла
нагорий, опекать Свена и Ньяла,
рожденных простолюдинами. Он

почувствовал себя виноватым. Они были
его боевыми братьями, все равны перед
Императором. Если

бы Костицкие Волки не выбрали его
после великого испытания боем в
Скаггафьорге, он бы стал

обычным скитальцем, даже более
ничтожным, чем раб. Он поклялся, что
постарается в будущем

сдерживать чувство превосходства, если только Император защитит его сейчас.

А теперь он пытался торговаться с Владыкой и Императором, омерзительное деяние как для

духовенства, так и для фенрисской знати. Он попытался очистить разум и вознести самую набожную

молитву во искупление, но все, что всплыло в его памяти --- мертвая тварь, лежащая на берегу и

покрытый кровью старик, роющийся в его мерзких кишках.

-Что это? --- торопливо-отчаянно вопрошал Свен, вскидывая болт-пистолет на уровень глаз, готовясь к стрельбе.

-Что это? --- спросил Хакон. Сержант выглядел усталым и изможденным, словно бы вся тяжесть

командования внезапно придавила его. Он производил впечатление человека, встретившегося с неразрешимой проблемой.

-Мне кажется, я что-то слышал.

Сержант помедлил секунду, потом пототал головой.

-Свен прав. Он что-то слышал --- заспорил Ньял. Я слышал- Вот, снова!

Все прислушались. Было похоже на заработавший вдали насос. Звук проходил долгий путь, видимо, отражаясь от ребер арок коридоров. Звук был словно медленный, мерный стук тяжелого барабана.

Свен вздрогнул, вдруг затерзнув в своем древнем доспехе.

Разведчики застыли. Дышащие клапаны дергались в такт биению. Журчание жидкостей внутри труб

возросло до плеска. Водонаг вязкой жидкости падал с ребер посередине коридора. Пар поднимался от

вонючих луж. Что-то дергалось в плоти стен. Свену это наполнило копошение червей в гнилом мясе.

-Просыпается --- тихо сказал Ньял угрожающим голосом. Нужно вернуться.

Эгиль хихикнул.

-Ты десантник или плаксивая девчонка?
Чего вдруг нас испугает какой-то шум?

Свен обернулся и выступил против
берсерка.

-Ты что, изменений не видишь? Кто
знает, что тут еще случится.

-Почему это происходит? - спросил Хакон.
Из-за нас?

Свен потеглил, взвешивая.

-Да, похоже на то. Похоже, реагирует на
наше присутствие. Все судно, кажется,
живое. Просыпалось с

тех пор, как мы взошли на борт. Подумай
об изменениях, что мы видели, пока
заходили все глубже.

Внешние стены -- твердые как камень. А
эти -- живая плоть. Может, стоит
вернуться, подождать
подкреплений?

-Нет -- сказал Хакон. Пойдем исследовать
дальше. Нужно найти что-то
действительно стоящее.

Он повел отделение, легко перепрыгивая

через испаряющиеся лужи желчи. Вдали
Свен словно бы
слышал что-то вроде бегства или
щелканья огромных клешней. Звук
заставил его вспомнить о
скорпионах. Остотревшись, он понял, что
остальные тоже это слышали. Звук исчез,
растворившись в

медленном стуке чужовищного
сердцебиения.

Свен сотворил знамение аквилы перед
грудью и сильно постарался не думать о
рыбаке Торе и его
путешествии внутри левиафана.

Ньял чувствовал разум Зверя. Медленное,
тяжелое давление в его голове, заметное
как сердцебиение

судна или шипение дыхательной маски. Он
чувствовал его подавляющий вес,
навалившийся на него, добавившийся к
чувству клаустрофобии от глиняных
кишечных коридоров с их едко-желтыми
полами и

вытянутыми пищеварительными

на ростами, кислота из которых плавила
его бронированные сапоги.

Он чувствовал древнюю мощь существа и
его абсолютную, неоспоримую
чужеродность.

Он был пойман в сети его мыслей и
пойман в кольца его тела. Иногда
странный голод проносился по

его разуму и Ньяла захлестывали
чужацкие желания и чувства: вспышки
странных, нечеловеческих

воспоминаний, картины, видимые
миллиардами инфракрасных рецепторов,
звуки, слышимые

органическими радиоантеннами,
непередаваемый запах, уловленный
анализаторами феромонов.

Его охватила тошнота. Были минуты,
когда он чувствовал себя человеком, долгие
минуты, когда он

сомневался в своем рассудке. Затем
секундные обрывки чужацкого
существования потрясали его до
мозга костей.

Самым странным было то, что мысли, казалось, появлялись отовсюду. Казалось, что нет никакого

устойчивого источника сознания, нет никакого таяка, освещающего вечную ночь волей Императора, видимой как свет Астрономикона.

Нет, то, что его захлестывало, шло со всех направлений, из миллиарда точек самосознания. Словно

болтовня множества людей по общей связи. Но был образец, упорядоченная структура. Он мог ее

почувствовать, но не мог полностью осознать. Мысли словно принадлежали одному разуму и многим

— будто бы тысячи теленатических узлов связи, окружавшие его, составляли один огромный разум.

Он поймал вид кого-то, в ком опознал себя, из глаза, смотрящего с потолка. Он пробежался по ребру, наблюдая за собой. В то же время, он сознавал, что смотрит на нечто, бегающее в тени. Он открыл рот,

чтобы прокричать предупреждение. Он
увидел себя, уставившегося во тьму,
застывшего от страха...

Несколько событий произошли почти
одновременно. Существо, висевшее над ним,
поняло, что его

«прослушивают» и оборвало контакт. Он
снова стал собой. Предупреждение
сорвалось с его губ, превратившись в
долгий нечленораздельный вопль по-
чужацки.

А затаившиеся у стен твари прыгнули в
атаку.

Когда Ньял закричал, Свен немедленно
отреагировал, прокатившись по рыхлоту
полу и сканируя

окружение быстрым движением головы. Он
увидел сегментированных черных существ,
падающих с

потолка. Их падение казалось странно
медленным в условиях низкой силы
тяжести.

Он перевернулся на спину и, сжав болт-
пистолет обеими руками, выстрелил в

агающее на него

отродье. Оно напоминало смесь скорпиона и огромного термита. У него было бронированное

сегментированное тело и большие клешни. Восемь злобных глаз мерцали в полутраке. Яг канал с его щелкающих челюстей.

Пистолет ревел и грожал у него в руках. Чудовище разорвалось на куски перед ним, когда заряды

ворвались в его чужацкое тело. Желтый фосфористый свет освещал его труп, превратившийся в

разбросанные повсюду куски мяса. Он почувствовал сырость на затылке. Сперва он подумал, что это

кровь цели, но потом понял, что это жидкость, вытекающая из разорванных капилляров в живот полу.

Он вскочил на ноги, выскивая другую цель.

Сержант стоял неподвижно, как статуя. Его фигура освещалась вспышками

выстрелов из его пистолета.

Каждый выстрел убивал одну чужацкую тварь.

— Огонь! — крикнул Хакон. Выбирайте себе цели. Не позволяйте им поглотиться ближе.

Свен заметил существо, двигающееся по полу как огромный скат-манта, чье тело перетекало по всем

выпуклостям и впадинам в ковре чужацкого пола. Его разум был парализован страхом, но тело словно

бы реагировало автоматически. Долгие часы тренировок, когда он повторял каждое боевое движение, и доводил их до уровня привычек, окупились.

Не раздумывая, он нажал на крючок и, когда его цель разлеталась на куски, сменял цель и стрелял, сменял цель и стрелял. Вой болтерного огня заполнил воздух, так как его товарищи делали то же

самое.

Рядом с землей прыгнул Эгиль, по-звериному

рыча и обнажив глинные клыки. Синие
отсветы выстрелов
освещали сѹтрак. Трассеры от снарядов
тянулись к целям. Ползѹнов рвало на
части, их хитиновые
оболочки трещали; жареное мясо
вываливалось изнутри. Эгиль держал нож в
левой руке наготове, на
слѹчай, если какой-нибудь противник
подойдет слишком близко; он был бы готов
разрезать его на
кѹски.

Тѹннар стрелял от бедра, поворачивая
тяжелый болтер. Он яростно жал на
спѹсковой крючок. Короткие
очереды врезались в наступающие волны
ползѹнов, разрывая их надвое.

Только Ньял застыл на месте, с
выражением ѹжаса на лице. Пока Свен
глядел на него, один из чѹжаков
добрался до Ньяла, готовый оторвать ему
головѹ выпущенными когтями. Свен
мгновенно взял его на
прицел и выстрелил. Коготь ползѹна

оторвало, черная кровь залила лицо Ньюла.
Он потряс головой и
дернулся, как человек, выходящий из
транса. Свен почувствовал, как сотни
крошечных ног щекочут ему
шею, и что что-то висит у него на спине.
Он развернулся и посмотрел в глаза одному
из чудовищ.

Запаниковав, он отпихнул урода одной
рукой, и дал ему по голове рукояткой
пистолета. Панцирь твари
проломился с тошнотворным треском.
Струя кислоты сожгла ее плоть.

Вспоминание об этих маленьких ногах,
как у сороконожки, на шее, заставило его
содрогнуться. Он

вытащил нож, активировал его, и, когда
существо прыгнуло не него, рыча от
желания воспользоваться

когтями, полоснул его по груди
горизонтально. Затем, на обратном
взмахе, он полоснул его еще раз

вертикально. На него вывалились теплые
кишки твари.

Свен остотрелся. Волна нападавших, похоже, разбилась об оборону костических десантников. Ни

один разведчик вроде как не был ранен.

-Раненые есть? --- спросил сержант Хакон.

Все отрицательно покачали головой. Свен с беспокойством

заметил застывшую гримасу голода на лице Эгиля --- и ужаса на бледном лице Ньяла.

-Отлично. Мы видели достаточно. Я считаю, пора возвращаться.

Разведчики с облегчением согласились.

В темноте за ними, кто-то перемещался.

Эгиль уверенно шагал вперед. Вот это было ему по душе! Никаких больше прятков в темноте. Никакого

ожидания падения молота. Теперь он был лицом к лицу с врагом, а чего еще может желать истинный

Костический Волк? Единственная проблема заключалась в том, что они шли не туда, куда надо. Хакон

должен бы вести их вглубь чужацкого

судна, к источнику зла, заполонившего его.

Он остановился на перекрестке, заметив, какие странные, почти идеально круглые объекты проходят

по венам-трубам в стенах. Они были похожи на яйца, проглоченные змеей. Что бы это ни была за

новая угроза, Эгиль был ей рад. Это была возможность показать свою храбрость, доказать свою

ценность, как десантника.

Ярость берсерка тлела в нем, тусклый уголек, готовый разгореться ярким пламенем. Он провел

пальцами по ножу, чувствуя раны даже сквозь перчатку. Он хотел вонзить его в грудь врага. Убийство

ползунов лишь подстегнуло его жажду крови. Теперь ему нужны были враги посильнее, чтобы его нож

попробовал их плоти.

Справа, из коридора с бледными живыми стенами, доносился какой-то звук. Он был похож на метания

кого-то, пойманного в ловушку. Он отправился на разведку, надеясь, что это какой-нибудь новый враг.

Проходя мимо, он рубанул по артериям, покрывавшим стену, и растеялся, когда черная жидкость

потекла по его ножу. Он был в упоении. Теперь он чувствовал себя живым, угадал лезвие бритвы, между жизнью и смертью. Это было место истинного воина.

-Эгиль, ты куда? Ты не по таячку идешь! -- голос Хакона звучал обеспокоенно даже сквозь искажение канала связи.

-Там что-то движется. Хочу проверить фланги.

-Оставайся на месте. Мы пошлем кого-нибудь на подмогу.

Эгиль устехнулся... и прикрыл микрофон бронированной ладонью:

-Повторите. Не слышу. Похоже, это помехи на канале.

Он не обратил внимания на приказы сержанта, так же как и на закрывшуюся за

ним гверь-сфинктер.

Он стоял в огромной зале. Потолок был так же высоко, как в великом соборе в крепости среди

ледников. Его поддерживали большие, похожие на ребра, арки, сходящиеся высоко вверху, там, где

кость каждого ребра вырастала из розовой плоти. Огромные вены-трубы вились вокруг них, собираясь

в узлы. В дальнем конце залы находилась большая масса плоти, похожая на огромную почку,

поддерживаемая дюжинами пульсирующих вен-труб, каждая из которых была толще ноги Эгиля.

Стены покрывали огромные пузыри, каждый вдвое больше человека в высоту. Кожа вокруг них

казалась почти полупрозрачной, как сброшенная змеиная. В каждом дергалась и извивалась

массивная туша. Звук был похож на разрывание чего-то, словно бы те твари,

что находились внутри, пробивались наружу.

Пока Эгиль наблюдал за всем этим глазами размером с блюдце, один из пугырей разорвался, и оттуда

вылезло нечто, похожее на только что вылупившегося цыпленка. Оно неуверенно встало в полный рост

и издало победный вопль, плюясь при этом слюзыю.

Оно было похоже на динозавра, одного из первобытных морских граконов, бороздивших воды

Фенриса у экватора. Его голова была крупной и округлой, рогатый щиток защищал тяжелый череп. Его

ребра были словно бы вне тела, как экзоскелет насекомого, и все внутренние органы были четко

видны. Эгиль видел его легкие, напоявшиеся воздухом, и сердце, бьющееся под ними.

У него были четыре мускулистые руки, две из которых заканчивались глиняными

когтями, грубая же

пара держала глинное оружие, похожее на странную винтовку. Его глинные ноги заканчивались

копытами, подпавшими его на двароста Эгиля. Между ними находилось глинное витое жало.

Форма существа напугала разведчика корабль. Оно было составлено из глинных кривых линий и

выставленных напоказ внутренних органов. Оно напугало его изображения генокрадов, но,

вспомнив картинки из архива, он опознал его, как нечто худшее.

-Тираниды -- выдохнул он, еле стесав произнести это слово. Мы на корабле тиранидов.

Когда он произнес это в передатчик, тварь направила на него оружие.

Отовсюду слышался звук

разрываемых пузырей.

Слова Эгиля парализовали Свена. Он вспомнил изучение чужаков в архивах

Оргена. Костические

Волки опоздали на кампанию против рои-флота Бегемот и записи были неполными.

Рота штурмовиков принимала участие в битве на поверхности Калта JV, встретившись с огромными

чужовищами и их легионами страшно тупировавших био-убийц. После боя, тела тиранидов мгновенно

разрушились, из-за микроорганизмов в них, делая анализ существ невозможным.

Большая часть информации в архивах была лишь догадками. В теории, тираниды были невероятно

древней, межгалактической расой, дрейфовавшей от системы к системе при помощи системы

варп-врат. Они искали новые расы для ассимиляции, поглощая их генетические руны, чтобы создавать

свои био-модифицированные коштары.

Тираниды использовали био-технологии для всех мыслимых целей. У них были тускулистые живые

колесницы, чтобы нести их в битву. Их оружие состояло из скоплений организмов-симбиотов,

выстреливавших твердые органические пули или кислоту. Их кораблями служили громадные живые

существа, настоящие костические левиафаны, бороздившие неизведанные просторы Варна.

У них было организованное могущественное общество, которое по большей части работало по

принципам, непонятным или слишком сложным для имперских ученых. Рой-флот Беземот был

полностью враждебен человечеству. Он опустошил целый сектор по пути через Галактику. Он поглотил

множество планет. Легионы его созданий десантировались на ослабленные чужой планеты, унося

целые народы в брюхо кораблей-маток, где те и пропадали навечно. Они сбрасывали на некоторые

планеты астероиды, и поставили
множество других на колени при помощи
биологических загрязнений.

Некоторые люди, полные предрассудков,
отвернулись от поклонения Императору и
посвятили себя

Бегемоту. Во время анархии, принесенной
рой-флотом, культы Хаоса набрали силу,
обещая защиту от

угрозы, против которой Империя казалась
бессильной. Торговые пути были
заблокированы,

обнаруживались все новые и новые гнезда
генокрадов. Наступала новая Темная
Эпоха.

Пришлось мобилизовать весь Империя,
чтобы остановить рой-флот Бегемота.
Хуже орков, хуже

эльдар, тираниды были самой большой
опасностью, с которой человечество
столкнулось, не

пришедшей из Ока Ужаса. И все-таки,
прикинул Свен, еще один Бегемот может
сравняться по угрозе с

Хаосом. Он хотел бы знать, был ли это осколок рой-флота Беземот, отставший корабль, дрейфовавший

веками, пока команда «Святого духа» не потревожила его. Он молился Императору, чтобы это был такой случай.

Альтернативный вариант --- что это разведчик нового рой-флота, следующего за Беземотом --- был

слишком ужасающ, чтобы о нем думать.

Кинувшись в сторону, Эгиль выстрелил в новорожденного воина тиранидов. Его болтер полыхнул

огнем, но он промазал. Пушка в когтях тираниды издала мерзкий ревущий звук. Мешки по бокам ее

сдулись, и из нее вылетела струя ираннели и дымящейся кислоты. Ужасная тошнотворная вонь

заполнила воздух. Что-то обожгло Эгилю щеку, когда он кувыркнулся вбок. Он скрипнул зубами от боли

и перекатился за один из хрящевых

выростов, выступавших из пола.

Руна перезарядки на его пистолете мигала красным. Он нащупал на поясе новый магазин. В это время

чужацкое чудовище приближалось. Он слышал стук его копыт и медленное, затрудненное дыхание, все приближавшееся и приближавшееся. Эгиль не обращал внимания на безумные вопли остальных

Костических Волков по связи.

Его пальцы были покрыты слизью из разорванных капилляров в полу, и магазин выскользнул из них. Он

схватил его прежде, чем тот ударился об пол, и попробовал так загнать его в пистолет. На него упала

тень тиранида. Он почувствовал его теплое дыхание на шее. В ярости, он отказался от попытки

заставить болтер работать. Он посмотрел в черные темные глазки. Динозавря голова твари, казалось, улыбнулась ему, когда урод наставил на него свою пушку.

Эгиль посмотрел в лицо смерти и
оскалился в ответ.

Разведчики неслись по коридору к
последнему известному местоположению
Эгиля. Сердцебиение

Свена отдавалось в ушах, скорее от
страха, чем от напряжения. Он
перепрыгнул через лужу слизи и

увидел перед собой дверь-сфинктер. Он
ужаснулся при мысли о том, что лежит за
ней. Все его детские

кошмары про чудовищ словно стали
реальностью. Он понял, что если еще раз
испытает шок, то

окончательно сойдет с ума.

-Брат Эгиль, отвечайте! Отвечай, мать
твою! -- сержант Хакон ревел в микрофон.
Что с тобой?. Выйди
на связь!

Свен попытался услышать какой-нибудь
ответ. Ответа не было. Десантники
встали перед дверью. Они
были готовы зайти.

-Ньял, прикрывай тыл, на случай, если

что-нибудь будет заходить сюда! Гуннар,
прикрываешь! Свен, заходим!
Приготовиться. Открыть дверь по
приказу! — приказы Хакона были четкими
и ясными. Свен

кивнул, показывая, что понял. Он
сглатывал снова и снова, во рту у него так
пересохло, что он подумал, что может
задохнуться в любую секунду.

— Пошли! — прокричал Хакон, и Свен ударил
по мешковатому выросту, открывавшему
дверь.

Цп открылся вид их Ага. Из пузырей в
стенах громадной живой комнаты
вылезали дюжины огромных

чужовищ, каждое зажимало в лапах
странно выглядящее оружие. Некоторые
несли по два костяных

меча, остальные — глинные чужацкие
палки. Сами тираниды выглядели не особо
нуждающимися в

оружии. Они были огромны и их когти
казались смертоносными.

Эгиль лежал на холме из плоти на полу.

Его лицо было ужасно обожжено кислотой,
обнажилась кость и
сгоревшие мышцы. Рядом с ним валялся
трун тиранига. Его грудная клетка была
разворочена прямым
попаданием болта. Эгиль посмотрел на
них и поднял вверх большие пальцы.
— Призрак Рүсса — выдохнул Гүннар.

— Огонь! — заорал Хакон.
Свен заметил новорожденное чудовище.
Оно стояло, страхивая слизь с блестящего
щитка. Он

аккуратно прицелился и послал болт ему
в голову. Тварь повалилась, как срубленное
дерево. Свен

услышал, как Гүннар передернул затвор
своей пушки и за ним целая зала
осветилась от мощного

взрыва снаряда Агского Пламени. Тени
плясали на костяных гребнях. Двое
тиранигов горели, словно

исполняя ужасный танец смерти в
последней агонии.

Гүннар выстреливал снаряд за снарядом,

создавая завесу огня между тиранидами и
Эгулет.

-Пошли, подберет его! -- приказал Хакон,
пересекая залу и стреляя из болтера во все
стороны. Свен

побежал за ним. Когда он добежал до них,
сержант уже поставил Эгуля на ноги и
предложил опереться

на него. Эгуль отпихнул его.

-Отвали! Когда я не смогу стоять на
ногах, пусть мой трүн сожгут.

В глазах берсерка застыло дикое, опасное
выражение. Он наполовину обезумел от
боли и жажды

убийства. Он шатался, но стоял на ногах
твердо.

-Я в норме. Чтобы меня прикончить,
нужно что-то покруче капли кислоты.

Сквозь затухающее пламя огневой завесы
проступил могучий силуэт воина
тиранидов, державшего в

каждой лапе по животу мечу. Клинки
светились кислотно-зеленым светом,
который напомнил Свену

гноющуюся рану. Он поднял клинки словно
косы, чтобы срезать выбранную жертву.

-Берегись! -- крикнул Свен, прыгая вперед и
перехватывая нож левой рукой. Его клинок
глубоко ранил

тиранида, рассек кость и плоть. Свен
почувствовал, как его руку и клинок
затягивает чужая плоть

тиранида. Он почувствовал мягкое липкое
давление кишок твари на руке. Когда он
вытащил клинок, раздался
отвратительный сосущий звук.

-Отступает! -- Свен потянул Эгиля к
двери. Секунду обожженный кислотой
человек стоял, наблюдая за

битвой, и Свен подумал, что тот не
пойдет. Затем Эгиль развернулся и
побежал к двери.

Сфинктер закрылся за ними с шипением.
Эгиль издал ужасный стешок. Звук словно
выливался из его
обожженных щек.

-Мы показали им, кто тут хозяин --
прокаркал он.

Свен протолчал, загудавшись, сколько же еще тут таких кошмарных инкубаторов.

Когда разгорелась битва, Ньялу пришлось подавлять в себе растущий страх. Ощущение чужацкого

присутствия вернулось в его разум, столько же постоянное и подрывающее боевой дух, сколько и

непрекращающийся размеренный стук далекого сердца. На сей раз он чувствовал, что чужаки стали

действовать тоньше. Они пытались подорвать его решимость. Они считали его слабым звеном

отделения.

И он боялся, что они были правы.

Он почувствовал волны могучего чужацкого разума вокруг себя, каждая мысль исходила от отдельного

существа, от отдельного телкого мозга, который нес часть разума сообщества.

Он знал, что это бесполезно. Зачем бороться? Его предчувствие сбылось, как и всегда. Не легче ли

просто сдать? Но крайней мере, это прекратило бы ожидание и страх. Почему бы просто не сложить

оружие и не принять неизбежное? Надежды не было, ему и его братьям никогда не выбраться из

нутра чудовища. То был живой мир и все в нем было против них. Ничто не могло убежать.

Пока Ньял пытался отбросить эти мысли как порождение враждебного внешнего источника, другая

мысль просочилась в его ступенный ум. Может быть, разум улья пощадит их, примет как расу рабов, позволит им жить и приспособит их к проживанию внутри корабля-флота?. Там ему будет безопасно, удобно, легко.

Он ведь всю жизнь был одинок, разве не так? Чужой для окружающих, непонятый, отдаленный? Если

он присоединится к разуму улья, он никогда больше не будет одиноким. Он будет частью великого

целого, новой и нужной частью, посланником к другим людям. Рой-флот вскорте и защитит его, сделает его своим. День человечества закончился. Во Вселенной устанавливался новый порядок. Он

может быть его частью, если захочет.

Сперва Ньял отбрасывал эти мысли как фантазии, порожденные его обезумевшим от страха разумом, но потом понял, что его не обманывали. Он соприкасался с разумом улья и предложение было абсолютно искренним.

Он был в затруднении. Он действительно всю жизнь чувствовал себя одиноким. Он не хотел умирать, даже зная, что это богохульство для его веры. Истинный десантник предпочел бы смерть бесчестию. не

раздумывая. Разум улья предлагал ему не только возможность жить и быть частью сообщества, но, возможно, даже бессмертие.

На секунду он позволил себе роскошь

поддаться искушению --- но потом
отступил от края.

Он осознал, что хочет оставаться один,
быть собой. Одиночество, принесенное его
даром, само было

даром: оно сделало его тем, кто он есть.

Оно сделало его особым, и он желал этого
больше всего на свете. Его ощущение себя
сделало его

человеком, и делало его живым. Если бы
он похоронил его внутри чего-то еще, он,
особое создание, стал бы словно мертвым.

Кроме того, бытие костическим
десантником тоже было частью его
личности. Они сделали его тем, кем он
был. Он был удивлен, поняв, что
принимает их путь. Он провел слишком
много времени со

своими товарищами, чтобы их предать.
Общие трудности и общие опасности
закалили связь между

ними, что позволял ему иногда, когда он
хотел, прекращать его одиночество. Они
были его обществом.

Они позволяли ему быть собой и одновременно частью чего-то большего.

На секунду он увидел связь между роуфлотом и его Оргеном. Орген был по-своему живым. Его

плотью были служившие ему люди. Его традиции и обычаи были его памятью и разумом. Он тоже

требовал верности и подавления себя — но как-то по-другому, не так, как тираниды. Он мог это

перенести.

Словно почувствовав его отказ, ощущение присутствия разума улья исчезло. Он стоял один в абсолютно

пустом коридоре, и за его спиной бушевала битва.

Свен закончил напыление на лицо Эгуля затапливающей жидкости. Он глубоко вдохнул, почувствовав

холодный дезинфицирующий запах средства, тут же освободивший его от отвратительной вони этого

места. Он надеялся, что антисептической

искусственной плоти будет достаточно,
чтобы берсерк дожил

до того, как его доставят в апотекарион.

Эгиль определенно так и думал. Он
вскочил на ноги, ударил кулаком в грудь и
рявкнул: «Готов!».

Хакон критически остотрел работу
Свена.

-Сойдет.

Свен посмотрел на Ньяла. Он беспокоился
за друга. С начала экспедиции он казался
все более и более

отсутствующим. Свен надеялся, что его
не сокрушило напряжение битвы.

Гуннар закончил проверку оружия и
зарядил его. Оно громко щелкнуло. Он
оскалился, неестественно
веселый.

-Мы все еще живы. Мы ил круто
показали, наковы Костические Волки.

-Мы еще отсюда не выбрались, парень ---
спокойно сказал Хакон. Нам еще надо
дойти по таячкам
готовой.

-Если еще таких встретим -- они отведают моего ножа -- хохотнул Эгиль. Гуннар согласно кивнул и снова оскалился. Облегчение от первого пережитого боя завладело им без остатка, подумал Свен.

-Не задирайте нос -- сказал Хакон. Мы перебили полусонных чужовиц, которые были в трансе Русс знает сколько лет. Следующая партия будет готова к бою. Лучше двигаться быстро.

Его спокойный командный тон охладил пыл всех разведчиков, кроме Эгиля. Он продолжал маниакально улыбаться.

-Давайте их сюда -- счастливо бормотал он. Давайте их сюда.

Гуннар был счастлив, он никогда не помнил себя более счастливым. Егодыхание было песней. Каждый удар сердца был ударом по гонгу успеха. Он был еще жив.

Его оружие казалось легким в его руках.

Он словно целовал его. Он так испугался,

когда убил

чужовищ, но он поборол свой страх. Он продолжал стрелять и убивал их прежде, чем они могли убить

его или его товарищей.

В первый раз он почувствовал возбуждение от победы в настоящем бою. Ничего случайного в смертях, вызванных им, не было. Он и хотел убивать чужацких чужовищ. Их жизни или его. Он не чувствовал

вины, только сладкое чувство свободы и радости. Ожидание закончилось. Это было хуже всего.

Ныкаться по омерзительным вонючим коридорам, не зная, что ждет за следующим поворотом. Он не

понимал, как напряжение влияет на его нервы или на нервы их всех.

Теперь он знал, с чем они столкнулись, и это было ужасно. Но теперь он мог приклеить к коштару

ярлычок. Это пугало не так, как жуткие

призраки, наполнившие его разум, и больше так не будет. Они

были смертны. Они могли умереть, как любое другое живое существо.

Он чувствовал себя героем. Он знал, что его действия спасли жизни его товарищей. Его завеса огня

позволила сержанту и Свену вытащить Эгиля. То было самое важное, что он когда-либо делал, спасение жизней его друзей. Вся противоречивость его чувств к ним испарилась. Он знал, что они были

истинными братьями, доверяющими друг другу свои жизни в этом адском месте. Перед лицом

чужовищной злобы тиранидов, все люди были братьями. Жалкие различия в расе или происхождении

или цвете кожи не значили ничего.

Он счастливо улыбнулся. Встретившись со смертью, он почувствовал себя по-настоящему живым. Он

был счастлив просто делать еще один шаг, видеть еще один поворот коридора,

чувствовать, как

расстояние до корабля сокращается с каждым шагом. Он никогда не ценил чуждого простого

существования.

Ничто, даже угрожающее изменение ритма биения далекого сердца или звук бега в отдалении, не

могло испортить ему хорошее настроение.

Свен приготовился к следующему нападению. Что-то приближалось. Он слышал постоянные мягкие

шаги по полу из плоти за ним. Он обернулся — и увидел, как что-то юркнуло в укрытие.

Он быстро выстрелил, но снаряд попал в стену и разорвался, забросав все вокруг кусками плоти. Ухор

потек из маленьких разорванных вен. Тварь вернулась на свет. Свен увидел, что она была маленькой и

темнокожей, с шестью конечностями — термагонт. Он медленно поднял на него

свое плюющееся

слизью оружие. Свен аккуратно прицелился и послал заряд тому в грудь. Тварь отлетела назад, визжа и дергаясь.

Свену хотелось бы знать, были ли это еще огни новопробужденные создания, призванные разобратся

с вторгшимися людьми. Он отбросил мысль и выстрелил еще раз. Его заряд пробил голову термагонта, расшвырвав повсюду желеобразные кусочки мозга.

Множество термагонтов выползло из теней. Сзади Свена, его боевые братья стреляли в передовую

группу. Свен снова выстрелил, но красная рана «пусто» на его болт-пистолете мигнула и он понял, что

патроны кончились. Стоя меж двух огней, его товарищей и наступающих термагонтов, он начал

перезаряжаться.

Снаряды летали вокруг него, освещая сумрак огненными инверсионными

следати. Рев патронов летел по коридору, отражаясь в заткнутом пространстве, пока не затухал вдали. Пока он вгонял новый магазин на место, Свен поинтересовался, как сюда добрались термагонты. Были ли они рабами, захваченными на каком-нибудь чужацком мире или каким-то новым эволюционным продуктом злого ремесла? Он подумал, что последнее более вероятно. Но как это объясняет то, что они нашли орочий череп?

Он снова открыл огонь, чувствуя отдачу тяжелого болт-пистолета с каким-то трачным удовлетворением. Опустошительный огонь костических десантников вскоре заставил термагонтов отступить. Свен знал, что они скоро вернутся, и гадал, какие еще поганые сюрпризы таит в себе чужацкий корабль.

Ньял все понял. Он был счастлив и

назад. Успешно сопротивляясь искушению
поддаться разуму
уля, он чувствовал себя настолько
сильнее! Его предчувствие рока
отступило. Возможно, только раз, он
ошибся.

Он медленно выбирал путь по покрытому
слизью полу, избегая странных круглых
клапанов под

ногами. Он показал вниз, советуя
товарищам-разведчикам делать то же
самое. Он услышал, как они

выстроились в шеренгу, следуя его совету
и почувствовал удовольствие. Они прошли
почти половину

пути до абордажной капсулы. Вскоре они
снова смогут отдохнуть на «Святом духе»
и позволить

Гауптману разнести это чужацкое гнездо
ко всем чертям.

Облегчение сделало его беззаботным. Он
поскользнулся на скользком полу и упал на
верхушку одного

из кругов. Он оперся на руки, чтобы

подняться, и пол ушел вниз. Он упал в темноту, чувствуя как стены

сходятся вокруг него. Он вытянул руки из круга, чтобы схватиться за края, и почувствовал как сержант

Хакон схватил их. Его наполнило облегчение. Сержант поднимет его вверх, на свет.

Стены вокруг него начали сжиматься и расширяться. Он почувствовал давление их блестящих

поверхностей. Это напоминало сглатывание -- а он был вкусной закуской. Когда его охватила безумная

паника, он яростно попытался подтянуться наверх. Сержант Хакон старался ему помочь. Ньял

чувствовал, как он борется с затягивающим туннелем-глоткой. На секунду его подняло наверх... а потом

он почувствовал, что хватка сержанта ослабла и выскользнул из покрытой слизью перчатки.

-Нет -- прокричал он, пока его засасывало

вниз, во тьму. Когда движение прекратилось, он обнаружил себя в растворителе. Он чувствовал, как она разъедает кератин его доспеха. Одна за другой, на его

рукаве загорались красные предупредительные руны. Погруженный в слабый свет их бесполезных предупреждений, он почувствовал, как теплая пищеварительная кислота начинает разъедать его плоти и глотать его кости. Когда его жизнь угасала, он словно слышал сияющие мысли разума улья.

Так или иначе ты станешь частью меня, говорили они.

-Нет. Он мертв. Ты ничего не можешь сделать! -- Свен почувствовал, как сержант Хакон за плечо оттягивает его от клапана. Он прекратил бить его кулаком и приготовился подорвать.

-Брат-сержант Хакон прав -- он услышал слова Гүннара. Мы ничего не можем

сделать. Ничего. Нял

мертв и ты к нему присоединится, если не
потерпишься.

Разум медленно заполняло осознание. Его
друг умер, это навсегда. Он был мертв. В
мысли была

ужасная законченность. Свен закрыл глаза
и издал ужасающий вой смерти его
Оргена. Дикий волчий

вой пронесся по коридорам и затих.
Далекое биение сердца корабля
продолжилось, не изменившись.

-Будет еще время для грусти -- мягко
сказал Хакон. Сейчас мы должны
вернуться на корабль.

-Не волнуйся -- сказал Эгиль, его глаза
сверкали жаждой убийства. Он будет
отмщен. Клянусь.

Свен кивнул и встал на ноги. Он твердо
взял пистолет в одну руку и нож в другую.
Он скрестил их на

груди в ритуальном положении и вознес
погребальную молитву Императору за
душу его боевого

брата. Затем он пошел за остальными в долгий путь к abordажной капсуле.

Сержант Хакон умер следующим. Тварь, вытянувшаяся из вентиляции, схватила его. Четырехрукий, клыкастый и когтистый ужас с гипнотизирующими глазами оторвал ему голову, прежде чем он смог

хотя бы вытащить ценной меч.

Эгиль не стал ждать своей очереди. Он кинулся к твари, целясь ножом ей в спину. Она развернулась с

невероятной скоростью и откинула его без усилий, одной мощной лапой. Эгиль почувствовал, как его

ребра треснули, столь силен был удар. Даже его керамитовый грудной щиток не защитил его. Эгиль

знал, что если оно порежет его своей клешней, он умрет. Его это не волновало.

Его охватила кровавая ярость. Он, не обращая внимания на боль, подтянул ноги и приготовился снова

встать.

-Генокраг --- услышал он бормотание Свена. Во имя Рюсса, что здесь, кошмары не кончаются?

Кровавая ярость застилала зрение Эгиля. Он провыл боевой клич и прыгнул. Он понял, что совершил

ошибку, когда коготь твари метнулся, словно коса. Он понял, что полученный удар его выпотрошит и

принял его с открытыми глазами.

Удара так и не последовало.

Свен дважды выстрелил генокрагу в голову. Того отбросило назад. Крича от разочарования и жажды

крови, Эгиль разрезал тварь ножом на куски.

Он услышал бормотание Свена за спиной:

-Двое мертвы. Осталось трое.

-Не могу поверить, что сержант мертв --- сказал Гуннар. Он почти небрежно подбрасывал снаряд одной рукой.

-В смысле, он и Ньял мертвы оба. Это Я-.

— Поверь — ровно сказал Свен. Он чувствовал растущий холод в сердце. Он оцепенел. Он словно

прошел за грань боли, за грань вообще любого чувства. Все, что он чувствовал — растущая ненависть к

врагам и холодная решимость выжить и представить доклад Империяту. Это был единственный

способ придать значение смерти его товарищей, который он себе представлял.

Он изучал оставшихся двоих, прикидывая, насколько полезны они будут. Эгиль казался злобным и

жаждущим; его глаза странно светились, а размашистый шаг напугивал о безумном от крови звере. В

берсерке была сжатая дикость, только и ждущая возможности развернуться. Свен знал, что на Эгиля

можно положиться в бою — но сможет ли он принять трудное решение?

Настроение Гүннара словно перетекло из полубезумной веселости в подавленную

супрачность. Он, казалось, был в замешательстве из-за внезапной смерти его товарищей. Он словно никак не мог осознать тот факт, что они умерли столь внезапно.

Свен хладнокровно прикинул их шансы и понял, что он должен был принять командование. Он был единственным, кто мог принять рациональное решение. «Так. Нам лучше идти вперед» — сказал он.

— Но что с телом Хакона? Мы же не можем просто его здесь оставить.

— Он мертв, Гуннар. Нет смысла тащить с собой труп. Я вырежу его геносема для его преемника. Его не забудут. Клянусь.

Предпочитая действие словам, он начал вырезать геносема сержанта, управляющий механизмом, превращавший человека в костяного десантника. То была кровавая работа, и вскоре кровь Хакона смешалась с кровью противника на ноже

Свена.

Ил почти удалось. Тираниды подстерегли их в ветвях ракового дерева. Свен отпрыгнул, когда кислота

попала туда, где он только что стоял. Шрапнель из злобного живого оружия чудовища задела его щеку, полилась кровь. Он прицелился в него, не обращая внимания на простреленное ухо. Чудовище спряталось обратно, когда выстрелы Свена изрешетили его укрытие.

-Гүннар, сожги эту тразь! -- крикнул он. Однако Гүннар замер, не заряжая оружие, не делая ничего.

-Заходят сзади -- проревел Эгиль.

Свен выругался. Он решил наорать на Гүннара, но не был уверен, что от этого будет толк. Вместо этого

он достал гранату и кинул ее в тиранида. Взрыв послал тварь в свободный полет. Гүннар вышел из

транса и выпустил очередь в ее грудную клетку. Ее верхняя половина оторвалась от нижней, тиранид с

визгом забился в агонии.

Свен рискнул оглянуться. Строй тиранидов блокировал коридор за ними. Их походка была медленной

и неуклюжей, но они покрывали землю неисчислимым полчищем. Свен знал, что они трое не могли

противостоять чудовищам. Он все равно шел вперед. Возможно, они смогут продержаться какое-то

время под раковым деревом.

— За мной — закричал он и прыгнул в укрытие. Гуннар и Эгиль немедленно последовали за ним.

Далекое биение сердца корабля звучало теперь как гром, а воздух был плотным от кислой вони крови

тиранидов. Свен прицелился в вожака тиранидов и выстрелил. Его коробило от того, что они зашли так

далеко, и все-таки проиграли. Его выстрел скользнул по броне твари. Он прицелился в голову.

— Гуннар, используй Агское Пламя! —

закричал он.

-Не могу --- заклинило! --- ответил Гуннар.

Свен выругался. Залп тиранидов заставил его пригнуться в укрытии, воспоминание о костистых

чудовищах, несущихся впереди стаи, пылало в его голове. Их было просто слишком много. Разведчики

были обречены.

-Вы двое --- бегом отсюда! --- крикнул Эгиль. Я их задержу.

-Потрешь ведь, парень».

-Не спорьте! Просто бегите!

Свен быстро взвесил все. Он мог остаться здесь и умереть --- или же спасти геносетя сержанта, свою

жизнь и другого десантника. Весы уже склонились; выбора не было.

-Прощай --- сказал он и рванул к последнему маячку, отмечавшему абордажную кансүлү.

-Прощай, сүхонүтник --- услышал он слова Эгиля. Я тебе покажу, что такое истинный Костический Волк.

Эгиль забыл, стаясь, и снова выстрелил. Он вскочил на ноги и вдавил спусковой крючок пистолета, бешено стреляя в тиранидов. Их преимущество исчезло под опустошительным огнем. Разведчик

Костиических Волков активировал гранату и кинул ее в них. Они спрятались за дверью-сфинктером.

Граната взорвалась перед ней. Дверь прогнулась, но выдержала.

Внезапно все стихло. Эгиль рискнул посмотреть через плечо, где исчезли Свен и Гуннар. Он быстро

решил следовать за ними. Но он не мог гарантировать, что тираниды не последуют за ним, и не схватят его. Лучше запереть их тут.

Он поймал легкое движение краем глаза. Тираниды обошли комнату и зашли с другой стороны.

Отлично, подумал Эгиль, чувствуя, как ярость закипает в нем. Большие врагов отправятся в Ад вместе с ним.

Тираниды понесли на него. Он вскинул пистолет, но выстрел из органической пушки оторвал ему

руку, вырвал болтер из хватки и прожег плоть до кости. Он пытался не потерять сознание, но

невыносимая агония охватила его. Он сжал нож и завыл от ярости. Эгиль вскочил на ноги и побежал к

тиранидат.

-Я убью вас! Я вас всех убью! --- кричал он, кровь капала с его губ. Последним, что он увидел, было

чужовище аккуратно целившееся в него. Он поднял нож, чтобы кинуть его.

Звук битвы стихли. Свен запихнул Гүннара в капсулу, закрыл люк и ударил по управляющей руне.

Пока чужацкое судно становилось все меньше и меньше на тигающем зеленом экране, Свен

препроводил душу Эгиля к Императору. Он заметил, что Гүннар плачет. От горя или от облегчения, Свен не мог сказать.

Гауптман смотрел, как плазменные бомбы рвут тиранидское судно на части. За несколько секунд, живой корабль был полностью уничтожен. Как Гауптман отметил с восхищением, солнечные паруса оторвались и дрейфовали в космосе. Команды турелей «Святого духа» использовали их как мишени.

Он заметил выражение удовлетворения на лице Свена, наблюдавшего за очищением чужацкого артефакта.

— Ну что ж — сказал он. Думаю, это конец. — Не сказал бы — сказал бледный и потный астронавт Чандара. Перед смертью, оно послало сигнал

чужовищной психической мощи. Сигнал был направлен в Магелланово Облако, но был настолько

силен, что я смог поймать часть. Это был зов, судовладелец. Оно кого-то вызывало. Нечто огромное.

Ужасающая тишина повисла в рулевой часовне «Святого духа».

Свен посмотрел на геносема в руке. Он поклялся быть достойным мертвых товарищей. Если будет война с тиранидати, он был уже готов сражаться.

...